

90-е: личности
в истории

СЕРГЕЙ СТЕПАШИН

ПОЙТИ В ПОЛИТИКУ
И ВЕРНУТЬСЯ

90-е: личности в истории

Сергей Степашин

Пойти в политику и вернуться

Издательство «Синдбад»

2022

Степашин С. В.

Пойти в политику и вернуться / С. В. Степашин — Издательство «Синдбад», 2022 — (90-е: личности в истории)

ISBN 978-5-00131-418-9

«Пойти в политику и вернуться» – мемуары Сергея Степашина, премьер-министра России в 1999 году. К этому моменту в его послужном списке были должности директора ФСБ, министра юстиции, министра внутренних дел. При этом он никогда не был классическим «силовиком». Пришел в ФСБ (в тот момент Агентство федеральной безопасности) из народных депутатов, побывав в должности председателя государственной комиссии по расследованию деятельности КГБ. Ушел с этого поста по собственному решению после гибели заложников в Будённовске. Всегда был открыт для прессы. Подшучивал над собой. Когда его, генерал-полковника, утверждали на пост премьера, сказал: «Я не Пиночет, моя фамилия Степашин». И к удивлению друзей и оппонентов, был утвержден Государственной Думой на высокий пост с первого раза, что в те годы бывало нечасто. До августа 1999 года Сергей Степашин считался одним из самых реальных кандидатов на президентское кресло. Прогнозы не сбылись. Сожалеет ли об этом Степашин? Почему политическая карьера сложилась так, а не иначе? Были ли в этой карьере поступки, в совершении которых автор мемуаров раскаивается? Что для него в политике было и остается самым важным? Простых ответов на эти вопросы у Степашина нет – есть искреннее желание над ними думать. И не лукавить при этом перед собой и читателем. Это воспоминания того, кто пошел в политику и вернулся человеком.

ISBN 978-5-00131-418-9

© Степашин С. В., 2022

© Издательство «Синдбад», 2022

Содержание

От автора	7
Биография продолжается	8
Город имеет значение	11
Национальность как состав преступления	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Степашин

Пойти в политику и вернуться

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© С.В. Степашин, 2022.

© Фонд «Президентский Центр Б.Н. Ельцина», 2022.

© Издательство «Синдбад», 2022.

Фотографии предоставлены Фондом «Президентский Центр Б. Н. Ельцина» и С. Степашиным

* * *

От автора

Меня много раз спрашивали, почему я не пишу мемуары. Не писал, потому что события были слишком свежи в памяти, а я, признаюсь, человек довольно эмоциональный. Нужно было выдохнуть, спокойно поразмышлять над тем, что происходило со мной и страной в последние тридцать лет. Это не тот случай, когда стоило писать по горячим следам – слишком спрессованным и нервным было время, в котором переплелись надежда и боль, удачи и поражения, верность и предательство. Сейчас, наверное, пора. С одной стороны, еще нет склероза и все хорошо помнишь, с другой – можешь писать о недавнем прошлом без лишних эмоций. И внучка подрастает. Хочется, чтобы она узнала о том, что я сделал и чего не сумел, от меня самого.

Так сложилось, что в моей биографии было много тяжких страниц, перелистывать которые радости мало. Октябрь 93-го, война в Чечне, захват заложников в Будённовске... Не я один, почти все участники тех событий не любят о них вспоминать. В результате под видом свидетельств появилось много разнообразного вранья. Не хочу, чтобы нашу недавнюю историю изучали по этой макулатуре. И это стало еще одним аргументом, который заставил меня сесть за воспоминания.

Труднее всего было писать об участниках событий. Все время ловил себя на желании о чем-то умолчать, что-то сгладить – зачем, думаю, обижать людей. Но как только начинал обходить острые углы – вылезала фальшь. Не стал этого делать. Надеюсь, имею на это право, хотя бы потому, что и себя старался не жалеть.

Когда работал над рукописью, понял: многие события оцениваю сейчас иначе, чем 20 или 30 лет назад. Поэтому решил написать к некоторым главам что-то вроде постскриптума. Выбирал только те эпизоды, которые ставили меня перед альтернативой. Столько лет прошло, а мысленно я все еще возвращаюсь к ним. Так ли поступил? Или следовало поступить иначе? Так или иначе? Если бы я сказал, что нашел окончательные ответы на все вопросы, – соврал бы.

Надеюсь, что объяснил, почему я все-таки взялся за мемуары.

Сергей Степашин

Биография продолжается

Вечером 4 августа 1999 года у меня проходила встреча с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе и президентом Абхазии Владиславом Ардзинбой. О многом удалось договориться, практически вышли на договор о конфедеративном устройстве Грузии. А значит – появился шанс решить «абхазский вопрос». Если бы мне дали еще недели две поработать премьер-министром – может, и не было бы российско-грузинской войны в 2008 году. Переговоры закончились, посидели, выпили по рюмке, Эдуард Амвросиевич говорит: «Первый раз выпиваем с Владиславом, спасибо Сергею». Гости ушли, а я еще задержался в кабинете. Мой рабочий день стандартно начинался часов в семь утра, а заканчивался ближе к часу ночи. Поздно вечером мне позвонил шеф президентского протокола Владимир Шевченко: «Ты когда с Ельциным разговаривал?» Отвечаю: «Позавчера». – «Позвони ему». – «А что случилось?» – «Позвони – там что-то происходит...» Утром звоню: «Борис Николаевич, отлично прошла встреча с Шеварднадзе и Ардзинбой. Хорошие перспективы». А Ельцин громкую связь не выключил и, слышу, кого-то ругает: «Вы что, ничего не сказали Степашину?» Потом раз – кнопку нажал. Ну я понял, готовит какой-то сюрприз.

Приезжаю, в приемной глава администрации президента Александр Волошин, директор ФСБ Владимир Путин, еще кто-то. Захожу вместе с Волошиным. Ельцин говорит: «Надо написать заявление об отставке». И добавляет как-то отрешенно: «Предлагаю вам пойти на ФСБ». Волошин аж вздрогнул: «Не в ФСБ, в Совет безопасности».

Говорю: «Борис Николаевич, а что случилось, какие претензии к моей работе? Мы с вами с 90-го года вместе работаем. Скажите мне прямо, какие есть замечания?» Он что-то невнятно буркнул. Тогда я прошу: «Борис Николаевич, давайте поговорим вдвоем. Ну, что тут этот сидит...» Помню, что в раздражении не назвал Волошина по имени. Ельцин кивнул ему: «Выйдите». Мы остались вдвоем, начали говорить спокойно.

Президент сказал, что недоволен моей позицией по «Газпрому». «Почему вы по „Газпрому“ такие решения приняли? Не дали приватизировать?» Объясняю: «Газпром», слава богу, эффективно работающая компания, а у нас их не так уж много. Зачем все ломать? Мы с Черномырдиным посоветовались, он тоже так считает». Вдруг Ельцин говорит: «Черномырдин – наш враг». У меня глаза на лоб: как это, Черномырдин враг? Борис Николаевич как-то замял этот разговор, но слово «враг» у него вырвалось. Еще поговорили, и мне показалось, что я его в своей правоте убедил. Тогда он мне припомнил мэра Москвы Юрия Лужкова: «Почему вы Лужкова не посадили?» Говорю: «А почему я его должен сажать? Никаких оснований у меня для этого нет». – «Он рвется к власти». – «Подождите, за это не сажают». Поговорили и про Лужкова – вроде тоже друг друга поняли.

Разговор получился хороший, как в прежние времена. До моего премьерства мы были в очень близких отношениях. Я всегда знал, что могу с ним говорить откровенно и рассчитывать на его поддержку. Хотя никакого панибратства себе не позволял, всегда понимал, что нас связывает что-то большее, чем формальности. Однажды, когда мы с премьер-министром Евгением Примаковым были у Ельцина в Кремле, он попросил нас задержаться и выпить по рюмке. Неожиданно сказал: «Поклянитесь, что будете преданы мне до конца». Видимо, было не так много людей, кому он доверял.

И на этот раз он меня внимательно слушал, не обрывал, не раздражался. Потом встал и, ни слова не говоря, вышел. И я минут сорок сидел один в кабинете президента. Даже думал: сейчас пойду и напоследок сяду в президентское кресло. Появилась вдруг такая совершенно детская мысль – бывает же... Ну, естественно, не стал этого делать. Встал, походил, посмотрел книжки, картины. Возвращается: «Я указ отменяю». И порвал. «Чего они только про вас не наговорили. Работайте, Сергей Вадимович. Я вам доверяю». Я говорю: «Борис Николаевич,

у меня поездка сейчас планируется – мы проводим первое заседание военно-промышленной комиссии по авиации в Самаре. Полечу?» Он не возражал: «Да-да, пожалуйста, давайте». То есть работа вроде бы входила в нормальное русло.

Возвращаюсь в Белый дом и сразу – на заседание правительства, на полчаса опоздал, чего со мной никогда не бывало. И по лицам вижу: все ждут сообщения об отставке. Слухи быстро разлетаются. Говорю: «Меня срочно вызывал Борис Николаевич, обсуждали проблему долгов. Президент пожелал удачи правительству. Давайте по повестке дня». Все выдохнули.

И я полетел в Самару. Помимо военно-промышленной комиссии, было еще одно дело – поговорить с президентом Татарстана Минтимером Шаймиевым, самарским губернатором Борисом Титовым и ульяновским – Юрием Горячевым о том, чтобы они перестали заигрывать с Лужковым. Важные дела. Но, наверное, все равно не стоило мне лететь. Надо было потолкаться в кабинетах, прийти еще раз к Ельцину, посидеть, поговорить. Что называется, держать ситуацию под контролем. Но я как-то посчитал, что, если президент уже сказал «работайте», можно спокойно работать. Ошибся.

Провожу заседание военно-промышленной комиссии в Самаре. Звонит мне председатель Госсовета Дагестана Магомедали Магомедов: «Сергей Вадимович, беда! Бандиты заходят в Дагестан». Немедленно связываюсь с начальником Генерального штаба Анатолием Квашниным. Он мне говорит: «Сергей Вадимович, что вы слушаете этого паникера? Все нормально, ситуация контролируется. Никого там нет...» Закончил дела в Самаре, перелетел в Казань. Снова звонит Магомедов: «Вошли!» Как вошли? Я опять к Квашнину – тот бормочет что-то невнятное. Связываюсь с Ельциным. «Борис Николаевич, я лечу в Дагестан. Ситуация чрезвычайно тяжелая, прошу полномочий». Он говорит: «Они у вас есть – летите».

Вызвал в Дагестан всех силовиков и сам полетел. Собрались на месте – все, кроме директора ФСБ. Я понял, что Путина задержали в Кремле – иначе бы он был. Но вдаваться в причины этого – некогда. Начали действовать. Дал команду военным лупануть по бандитам – а уже было известно, что это боевики Шамиля Басаева и Хаттаба. Мне Квашнин говорит: «Кто будет отвечать за боевые действия?» – «Я буду отвечать, премьер-министр Степашин. У меня есть полномочия от Ельцина». Ну и ударили по Ботлиху. Сразу же позвонил президенту Чечни Масхадову: «Аслан, ты должен выступить и сказать, что бандиты вошли к братскому дагестанскому народу. И еще, что это негодяи, к которым президент и правительство Чечни не имеют никакого отношения. Больше от тебя ничего не требуется, дальше мы сами с этими уродами разберемся». И разобрались. Но Масхадов ответил: «Я не могу». Это было предательство, которого я от него не ожидал.

До сих пор не понимаю, как бандиты прошли через то место в горах, которое мы называли «Ослиные уши». Там же стратегическое ущелье, где всегда были наши военные. Почему отсюда ушла десантно-штурмовая бригада? Почему бандиты без проблем добрались до сел – Чабанмахи и Карамахи? Почему им дали эту возможность? Почему Квашнин не располагал информацией об их продвижении? Вертолеты же все время летали – ничего не стоило засечь колонну. Где спецслужбы? Не исключаю, что был план специально затащить боевиков на территорию Дагестана и там им врезать. Но если и так, это было неоправданным риском.

9 августа я вернулся в Москву. Было часа три ночи, в аэропорту меня встретил председатель РАО ЕЭС Анатолий Чубайс. Отвел в сторонку: «Все, Сергей, я возвращаюсь руководителем администрации, ты идешь на президента. В 8 утра нас ждет Ельцин». Я приехал, побрился, принял душ. Сел в машину, отъехал уже, и вдруг звонок Волошина: «Сергей, Борис Николаевич приглашает в Горки». Звонок Волошина означал, что ситуация изменилась. Зашел к Ельцину, там уже сидели Путин, Волошин и мой первый заместитель Аксёненко. Ельцин протягивает мне указ и говорит: «Надо написать заявление об уходе». Отвечаю: «Писать ничего не буду. Ваше право – увольняйте». – «Ну завизируйте хотя бы назначение Путина первым вице-премьером». Там же такая процедура, что до утверждения нового премьера Думой его

обязанности должен исполнять первый зам. «По Путину завизирую, нет вопросов». На прощание Ельцин вдруг говорит: «Сергей Вадимович, мы с вами остаемся в одной команде». Я ему ответил: «Ни в какой другой команде я не состою. А с вами остаюсь – это факт». Я видел, что решение это далось ему нелегко. Он вообще тяжело отправлял людей в отставку и старался как-то смягчить удар.

Я пробыл председателем правительства России меньше трех месяцев. И все это время опровергал слухи о том, что Борис Ельцин видит во мне своего преемника. Был прав: его преемником стал другой человек. Почему не я? Думаю, что знаю ответ на этот вопрос.

Город имеет значение

У большинства людей есть какие-то детские воспоминания, которые они проносят через всю жизнь. И не всегда понятно, почему одни события и люди стираются из памяти, а другие остаются в ней навсегда. Когда я начинал работать над этой книгой, я понял, что невозможно объяснить свою жизнь без каких-то эпизодов из детства и юности. Много в моем характере, а значит, и в жизни было предопределено тогда. Оттуда – главные ценности, представления о добре и зле, и я бы даже сказал – правила жизни. Это то, на что ты потом, во взрослой жизни, опираешься, когда принимаешь какие-то важные решения. Не размышляешь каждый раз над тем, что хорошо и что плохо, не выстраиваешь границу допустимого или приемлемого, а просто делаешь, что должно.

Именно поэтому мне хочется вернуться в свое детство и юность, чтобы не объяснять на каждой странице, почему я поступал так, а не иначе. И, конечно, главное здесь не обстоятельства, а люди, которые были рядом со мной. И прежде всего моя семья.

Спасибо сестре отца Раисе Дмитриевне Степашиной – благодаря ей я знаю своих предков со времен Смутного времени. Трудно представить, сколько времени она провела в церковных архивах, чтобы по крупицам восстановить нашу семейную историю. Благо эти архивы хорошо сохранились, по крайней мере, те из них, что не оказались во время Великой Отечественной войны на оккупированных территориях. Оказывается, еще до Смутного времени один из моих предков Михаил Тумаков жил в Москве, а уехал из нее после грандиозного пожара. Решил перебраться во Владимир, но до него не доехал, а обосновался в Варламовом починке, так тогда назывался Юрьевец, где, спустя сотни лет, в начале XX века и родился мой дед – Дмитрий Иванович Степашин. Мои предки были когда-то синодальными крестьянами, то есть при крепостном праве принадлежали церкви. С того времени в нашем роду и появилась фамилия Степашины. Со временем Степашины перебрались в поселок при текстильной фабрике – Собинка, той же Владимирской губернии.

Удивительно, в семейных историях я нашел какие-то пересечения со своей собственной судьбой. Вот я сейчас возглавляю Императорское православное палестинское общество, а мои предки были, как я уже упоминал, синодальными крестьянами. Или еще любопытнее. Дед мой, Дмитрий Иванович Степашин, служил в пожарной охране НКВД, потом, в 1933 году, неизвестно по какой причине уволился и пошел работать инкассатором. А я после Лубянки, хотя и не сразу, оказался в Счетной палате, закончил Финансовую академию. Деда я не знал. Он погиб в 42-м в Калмыкии, когда шло наступление немцев на Сталинград. Десятки тысяч наших солдат так и остались под песком – до сих пор не откопали. Даже братской могилы нет – только стела одна на всех. Отец просил найти могилу деда. Я поехал, искал... Нет могилы. Уведомление о смерти бабушка получила в 1953 году, до этого даже пенсию за мужа не получала.

Бабушка моя по отцовской линии, Вера Семёновна, всю жизнь прожила в Собинке, там же на своем огороде и умерла в 1972 году. Воспитала четверых детей – сына и трех дочек. Все с высшим образованием. А у самой – три класса. Когда я учился в школе, мы с ней переписывались, и я, конечно, замечал, что пишет она не слишком грамотно. Но читала поразительно много. Дома у нее была прекрасная библиотека. Свою первую серьезную книгу на историческую тему я прочитал после пятого класса на летних каникулах у бабушки. Это был «Пётр Первый» Алексея Толстого.

По маминной линии предки были из шведов – Борги появились в России еще в допетровские времена. Шведская кровь постепенно смешалась с русской – род Боргов продолжили Филипповы, Соловьёвы, Новиковы. Новикова – девичья фамилия моей мамы, Людмилы Сергеевны.

Но все эти подробности я узнал уже взрослым человеком. А в детстве история семьи для меня начиналась и заканчивалась моими бабушками.

Особенно важным человеком для меня была моя петербургская бабушка, мамина мама – Мария Петровна Соловьёва. Я ее звал «Петровна».

Она всю жизнь проработала костюмером – сначала в Мариинском театре, потом в Александринке. Она 1895 года рождения, так что начинала работать еще при царе. И жизнь у нее при «проклятом царском режиме» складывалась совсем не плохо, о чем она мне много рассказывала. Говорила, что одевала Шаляпина и многих других известных актеров. Шила она замечательно, и сама всегда одевалась со вкусом. Бабушка прекрасно знала театр, музыку, литературу. Великолепно пела романсы, играла на семиструнной гитаре. Первый раз замуж вышла, когда ей было шестнадцать. Муж был унтер-офицер и погиб на Первой мировой. Сохранилась его фотография в форме. Второй муж, мой дед, – Сергей Новиков, в честь него меня и назвали. Он заведовал костюмерными мастерскими в Мариинском театре. У него, как и у бабушки, был прекрасный голос и слух. Человек он был незаурядный, с характером. Есть у нас такая семейная история. Как-то сидел дед в директорской ложе на опере «Князь Игорь», и в какой-то момент ему показалось, что исполнитель арии князя Игоря «не тянет». Ну он встал и сам запел «О дайте, дайте мне свободу». Его чуть из партии за это не исключили. Чудом обошлось. Видимо, спасло то, что он был редким профессионалом. Умер он довольно молодым от инфаркта – еще до войны. Маме было всего пять лет. Больше бабушка замуж не вышла.

Всю войну мама с бабушкой прожили в блокадном Ленинграде. Три года – на грани жизни и смерти. Зимой 42-го за буханку хлеба бабушка отдала единственную ценность в семье – старинные серьги с изумрудом и рубинами, доставшиеся ей по наследству. Маме было тогда 13 лет, она проснулась ночью и увидела, как бабушка потихоньку ест хлеб. Голод был такой, что она не смогла удержаться.

После войны бабушка еще долго работала в театре. Жила она в коммуналке у Пяти углов – так называют одно из самых красивых мест в центре Питера, хотя официально такой площади в городе нет. В этой квартире бабушка с мамой и пережили блокаду.

Папа, закончив школу в Собинке, поступил в военно-морское училище в Выборге. Когда заканчивал его, познакомился с мамой – она училась в медицинском училище. Встретились они в госпитале, где отец проходил медосмотр перед отъездом к месту службы после выпуска. Через несколько недель поженились. Расписали их очень быстро – отец должен был уезжать в Порт-Артур. Там с 1945 года по договоренности с Китаем находилась совместная военно-морская база двух стран. Моя матушка поехала к нему только через год – в 1950-м началась корейская война, пришлось ей задержаться в Ленинграде. Она рассказывала, что боялась не узнать отца и всю дорогу от Ленинграда до Владивостока смотрела на его фотографию. В это трудно поверить, но с другой стороны, встречались они совсем не долго, а не виделись больше года. Мама приехала к отцу в августе, Владивосток заливало, папа встречал маму под страшным ливнем, взял на руки, спрятал под черную офицерскую плащ-накидку, донес до машины. На следующее утро они уехали в Порт-Артур. Мама пошла работать в военно-морской госпиталь, где в марте 1952-го я и родился.

Пока отец оставался на флоте, мы мотались по Дальнему Востоку. После Порт-Артура был Владивосток, потом Хабаровск – отец служил на сторожевом корабле «Пингвин».

Из того времени, что мы жили в Китае, я мало что помню. Так, отдельные картинки. Например, фанзу, традиционный китайский дом в Порт-Артуре. Когда я уже работал в Счетной палате, меня пригласили в Люйшунь (бывший Порт-Артур), район города Далянь. Отвезли в военно-морской госпиталь и познакомили с двумя китайками, которые принимали у мамы роды. Невероятно, но у них сохранились фотографии. Только один эпизод из нашей китайской жизни отпечатался в памяти очень подробно. Мне три с половиной года, мы с отцом купаемся в

Желтом море, я сижу у него на спине, а он неожиданно ныряет, и я начинаю барахтаться, чтобы удержаться на поверхности. Страх не помню, видимо, его не было, моря я никогда не боялся.

А Владивосток сохранился в памяти в деталях. Из разных мелочей хорошо вырисовывается обычная для советской офицерской семьи жизнь со всеми ее радостями и проблемами. Помню, как ездили с мамой в магазин за арбузом и разбили его по дороге. Видимо, нас это очень расстроило, раз на всю жизнь запомнилось. Помню, как мне купили трехколесный велосипед, и я осуществил свой первый и последний бизнес-проект: отдавал его в аренду за конфеты и сушки, которыми тут же угощал своих друзей во дворе. Помню, как встречали отца из похода, как бежал ему навстречу, залезал на руки, а однажды от избытка чувств с мясом вырвал пуговицу на его форменном кителе.

В нашем бараке жили в основном семьи морских офицеров, так что, когда корабль возвращался из похода, собирали там же, в бараке, общий стол, шумно и весело это событие отмечали. Я, конечно, не знал тогда, что место, где мы живем, называется барак, – считал, нормальный дом. А на самом деле, конечно, барак с длинным коридором и общим туалетом. Район, в котором мы жили, и сейчас называется Вторая речка. Я этот барак нашел, когда в 2000-х работал уже в Счетной палате и приехал во Владивосток в командировку. Там все еще жили люди, нашлась даже соседка, которая, как и китайки, сохранила старую фотографию нашей семьи – мама и папа на ней совсем молодые. Я тогда же дождал Сергея Дарькина, который был губернатором, и барак этот снесли, людям наконец дали нормальные квартиры. Потом выяснилось, что рядом стоит барак, в котором вырос будущий председатель Госдумы Борис Грызлов. У него, как и у меня, отец был морским офицером. Когда Борис узнал, что я свой барак снес, а его стоит, он тоже «наехал» на Дарькина: как не стыдно, один снесли, другой оставили. В результате снесли в этом месте все бараки, а людей переселили.

В конце пятидесятых Хрущёв затеял масштабное сокращение армии, и в 1958 году отца демобилизовали. Свою нелюбовь к Хрущёву он сохранил до конца жизни и передал мне. После демобилизации отца мы вернулись в Ленинград. Это была идея бабушки. Она приехала к нам в гости, а уезжая, сказала: «Перебирайтесь ко мне в Ленинград. А то умру, комната пропадет». Умерла бабушка только в 1973 году, когда я уже заканчивал военное училище. Но тогда – спасибо ей – мы оказались в Ленинграде, и этот город очень многое определил в моей жизни.

Когда мы переезжали, нас было уже четверо – родилась моя сестра Таня. Родители в Ленинграде устроились на новую работу. Мама – старшей медсестрой в поликлинике, отец пошел служить в МВД. Занимался он сложным делом – организацией производства в колониях. И в какой-то момент понял, что его образования не хватает. Ему было уже под тридцать, когда он поступил на вечернее отделение факультета организации промышленности в Финансово-экономический институт (позже ему присвоили имя Вознесенского). Хороший институт – его же через много лет окончил мой сын.

Жили впятером в двадцатиметровой комнате. Мы с бабушкой спали за одной ширмой, сестра – за другой, а мама с папой на большой пружинной кровати. Один туалет на несколько семей, вода – только холодная. Я вставал часов в пять утра, чтобы не стоять в очереди, умывался и ложился досыпать. Но воспринималось все это совершенно нормально, наверное, потому, что так жили многие. Телевизор я ходил смотреть к своему однокласснику, у него была отдельная квартира, и я считал, что его родители очень богатые люди. А у нас телевизора не было, слушали радио, которое висело на стене. Район наш был замечательный, самый центр. Парк рядом, каток, кинотеатр «Правда», на утренние сеансы билет стоил 10 копеек, и я не пропускал ни одного фильма, но особенно любил исторические – Кутузов, Суворов, Ушаков были моими героями с детства. Первый раз увидел в «Правде» и рязановскую «Гусарскую балладу», которую полюбил на всю жизнь.

Пока родители были на работе, почти все время после уроков проводил с бабушкой. Мы друг друга очень любили. Бабушка показывала мне город. Водила меня по театрам. От наших

Пяти углов до легендарного Большого драматического театра – БДТ рукой подать. Любовь к БДТ осталась на долгие годы. Когда повзрослел, научился улавливать подтекст товстоноговских спектаклей – это было как глоток свежего воздуха. Ну и, конечно, пересмотрел все спектакли в бабушкиной Александринке. На новогодние праздники бабушка подбирала мне настоящие театральные костюмы. Любимый – костюм гусара. Все в классе, конечно, лопались от зависти, таких костюмов ни у кого не было. Только у меня настоящие ментик, кивер и даже сапоги. Мы с Петровной никогда не ссорились, ни разу в жизни она не повысила на меня голос. Как, впрочем, и вторая моя бабушка – Вера Семёновна. У нее в Собинке я всегда проводил школьные каникулы. Очень это любил. Маленький городок вокруг текстильной фабрики, речка Клязьма, и главное – свобода. Никто тобой не руководит. Проснулся как проснулся, пришел домой, когда захотел, поел не поел. . . На столе у бабушки обычно стояли картошка, яйца, молоко – проголодался, бери. Она жила в двухэтажном доме, который после войны построили пленные немцы. У нее была отдельная однокомнатная квартира, но все удобства – на улице. Был свой сарай, где хранились запасы на зиму, плюс огород, куры, сеновал, где мы часто ночевали. Я для себя давно сформулировал: бабушки-дедушки должны давать внукам свободу и никогда не должны повышать на них голос. Пусть строгость проявляют родители. Мои бабушки вели себя очень правильно. Теперь, став дедом, сам стараюсь придерживаться этого правила.

Петровна была настоящей петербурженкой. Многие из ее подруг, с которыми она успела меня познакомить, вышли из дворян, с прекрасным образованием и невероятными биографиями. Я был еще совсем мальчишкой, когда услышал от них совсем другую историю России, не ту, которой нас потом учили в школе. Так что школьные учебники я невольно сопоставлял с их рассказами. Они не то чтобы специально мне что-то объясняли, просто разговаривали между собой о прошлом и настоящем, особо себя не сдерживая. Помню, одна из них была юристом, работала еще при царе, потом при Керенском чуть ли не начальником его юридической службы. Жила она рядом с Казанским собором, в великолепной квартире, которую почему-то не отобрали. От нее я впервые услышал и про революцию 1905 года, и про 1917-й, и про то, как была устроена жизнь в царской России. Бабушка и ее подруги всегда отмечали Рождество, Старый Новый год и Пасху. С моим участием, разумеется. Тогда у нас в стране это было не принято. Мне очень нравились эти старые праздники – необычно, красиво и очень вкусно.

В моем ленинградском детстве было вообще какое-то очень питерское окружение – кругом живая история. Соседкой по нашей коммунальной квартире была Софья Антоновна Букис-Буковская, ровесница моей бабушки, но и в этом возрасте – потрясающая красавица. Ее мужа, капитана второго ранга, арестовали и расстреляли в Кронштадте в феврале 1917 года. Потом и ее посадили, но быстро выпустили, потому что посадили, как тогда часто бывало, ни за что. Она вернулась в свою же квартиру – к тому времени ее превратили в коммуналку, и Софье Антоновне досталась одна комната. Она была дворянка, окончила до революции Смольный институт благородных девиц. Я впитывал в себя эти рассказы о дореволюционной жизни, которой не знал, как губка, – так только в детстве бывает.

В семье моих родителей никаких сложных исторических, а тем более политических вопросов при мне не обсуждали. Хотя о многом, наверное, отец с мамой догадывались, а кое-что и знали. Но тогда при детях старались лишнего не говорить. Мои родители не были диссидентами, их судьба складывалась вполне обычно для большинства советских людей, которые во многое, о чем писали в газетах и говорили с высоких трибун, искренне верили, кое в чем сомневались, но не представляли себе, что страна может радикально измениться при их жизни.

По каким-то реакциям родителей я мог догадываться, что не все, происходящее в нашей стране или с ее участием, вызывает у них одобрение. Когда в 1968 году ввели войска в Чехословакию, мама с отцом отнеслись к этому однозначно. Помню, как они сидели у телевизора, и отец сказал: «Ну, идиоты! Что они делают? Зачем?» Со мной это не обсуждалось, но я и

так все понял. Мне было шестнадцать, и мы с одноклассниками между собой обо всем этом, конечно, говорили.

Уже позже я узнал, что папины сестры, мои тетушки, которые всю жизнь прожили в Собинке, после пражских событий просто перестали друг с другом разговаривать. Одна из них, тетя Юля, была школьным завучем и вышла из партии по принципиальным соображениям, когда советские танки вошли в Прагу. С должности завуча ее, конечно, сняли, работала она потом до пенсии рядовым учителем математики. Но взглядов своих не поменяла, к коммунистам относилась без почтения и часто говорила: «Это все безродные коммуняки», хотя сама была совсем не дворянских кровей. А сестра ее, тетя Рая, была убежденной коммунисткой, секретарем парторганизации, делегатом съезда комсомола, во всем поддерживала партию и правительство. И тетя Юля, и тетя Рая умерли, когда я был уже председателем Счетной палаты. Интересно, что к моей политической карьере обе относились уважительно. Тетя Юля переживала, что меня когда-нибудь подставят, говорила: «Ты слишком откровенно языком болтаешь». Я обычно отвечал: «Не болтаю, а говорю то, что думаю. Как и ты». Тетя Рая тоже переживала, но по-своему. Я, конечно, поддерживал отношения и с той и с другой. Тетю Юлю уважал за критическое отношение к тому, что происходит, – это было мне близко. А тетю Раю – за то, что она была гуманитарием, как и я. Много читала и даже писала стихи. Дружила с замечательным русским писателем Владимиром Солоухиным. Мне с ней всегда было интересно.

Отдельную квартиру папе дали как сотруднику МВД в 1965 году, когда мне было уже тринадцать, и я учился в пятом классе. Трехкомнатная хрущёвка, 41 квадратный метр – две смежные комнаты, одна маленькая отдельная плюс кухня 4 метра. Я жил в проходной комнате, мы ее называли «зала». Горячая вода, ванна, свой туалет и целых три комнаты вместо одной. Это было, конечно, счастьем.

Я перешел в новую – 99-ю – школу. Переживал, потому что свою прежнюю, 308-ю, очень любил. У нас преподавали в том числе студенты старших курсов. Моя первая учительница, Нина Николаевна, как раз оканчивала пединститут – она была добрая и очень красивая, это даже мы, первоклассники, понимали. Педагог от Бога. Я вообще считаю, что хороший учитель – всегда от Бога. Если он злой, дерганый, ему в школу и соваться не стоит.

Переживал я по поводу смены школы недолго. Оказалось, что и 99-я – замечательная. Это была не блатная, а обычная районная школа с самыми разными детьми. Я быстро в ней обжился. Несмотря на то что я с детства мечтал о карьере морского офицера, у меня была явная склонность к гуманитарным наукам. Запоем читал. Для нашего классного руководителя учительницы русского и литературы Ирины Вильевны Розенберг я сразу стал «своим» учеником. Ее предметы были любимыми. С 99-й школой, которую я окончил, мне повезло во всех смыслах. Там были прекрасные учителя, свободная, очень ленинградская, атмосфера, театральные студии... Мы с моими одноклассниками до сих пор не потерялись. А в один из самых тяжелых для меня моментов, после отставки с поста премьер-министра, они решили поучаствовать в организации моей предвыборной кампании в Думу. 12 человек из нашего класса вошли в мой штаб. И мы с ними победили.

В комсомол я вступил очень поздно, уже в десятом классе – в шестнадцать лет, а принимали с четырнадцати. Как-то не хотелось терять свободу и «вливаться в ряды». Подал заявление, когда пора было думать о поступлении в училище.

Учился всегда хорошо, так что особых проблем у родителей со мной не было. Наши отношения были скорее дружескими, мне кажется, что ни отцу, ни маме и в голову не приходило, что надо с детьми держать какую-то дистанцию. Так же я пытался выстроить отношения и со своим сыном. У нас в семье не было принято кричать на детей, не говорю уж о том, чтобы поднимать на них руку. Хотя в подростковом возрасте со мной не всегда было просто. И покуривали в 10-м классе, и портвейн пили, и школу прогуливали, но не больше, чем другие подростки конца шестидесятых.

Характер тоже проявлял. Математику у нас в десятом классе преподавала Ирина Карловна Шур, между нами «Шурик». Как-то я решил у доски уравнение и выбрал не самый удачный длинный путь. И получил: Ирина Карловна сказала, что такое решение идиотское... Ну я собрал портфель и сказал, что больше ноги моей в школе не будет. И десять дней сидел дома. Одноклассники разделились на два лагеря. Кто-то говорил: ты прав. Другие считали, что надо плюнуть и дотерпеть до аттестата зрелости. Я уперся. Родителям сказал, что хочу перевестись в другую школу. Отец уговаривал: «Какая другая школа, тебе всего ничего осталось учиться». Я возражал: «Тебе бы понравилось, если бы твое решение назвали идиотским?» Потом матушка пошла в школу, поговорила с Ириной Вильевной, та – с Ириной Карловной. В результате этой дипломатии Ирина Карловна передо мной извинилась. Она в принципе была неплохим человеком и, конечно, понимала, что нельзя так разговаривать с подростком, тем более на виду у всего класса. Сказала честно: «Прости, вырвалось. Была неправа». Когда сын стал подростком, я часто вспоминал себя в его годы. Он тоже был упрямым и довольно самостоятельным. Бывало, что я пытался его подавливать – то мне не нравилось что-то по учебе, то хотелось, чтобы он занимался легкой атлетикой, как я. Он уже не знал, как от меня отбиться, говорил, что у него от бега печень болит. «Где у тебя печень?» – спрашиваю. Он показывает на левый бок. Посмеялись. Слава богу, я вовремя понял, что давить на него, как и на меня, бессмысленно. И отношения у нас остались дружескими.

* * *

После школы я подал документы в военно-морское училище. Никакого другого будущего для себя не представлял. Но медицинская комиссия обнаружила близорукость, и мне отказали. Я был очень расстроен и не понимал, что делать дальше. Отцу хотелось, чтобы я поступил в гражданский вуз. Но пока то да сё, на вступительные экзамены я опоздал. Решил поступать в военно-политическое училище МВД, это было первое такое высшее учебное заведение в системе министерства внутренних дел, которое совсем недавно открылось. Отец не был в восторге. МВД, политработа, – были у него сомнения. Но договорились, что через год-два попробую поступить в гражданский институт.

5 декабря 1969 года мы принимали присягу на Пулковских высотах. Приехали все мои – папа с мамой и, конечно, Петровна. Стоим в строю, в руках автоматы, и вдруг вижу, бабушка напрямик через площадь идет ко мне. Понимаю, что сейчас ее прогонят, ужас... А командир батальона, подполковник Николаев, фронтовик, вдруг дал команду «Смирно!». И бабушка все-таки обняла меня. На всю жизнь я это запомнил. Бабушка очень хотела прийти на мой выпуск из училища – не дожидаясь нескольких месяцев.

А из училища я решил не уходить. Учиться было несложно, я быстро втянулся, и учеба давалась легко. Появились новые друзья, многих из которых я сохранил на всю жизнь. Занимался бегом на средние дистанции, по 3–4 месяца проводил на сборах, а не в казарме. Тренировал меня один из лучших марафонцев страны, серебряный призер Олимпиады Юрий Иннокентьевич Попов. Он как-то почувствовал, что средний спринт – моя дистанция. Так и оказалось. Добегаюсь до кандидата в мастера спорта. Это по тем временам было большое достижение. Атмосфера в училище оказалась нормальной, никакой дедовщины. Так что все складывалось, и планы о переходе в гражданский вуз сами собой отпали.

Начиналась взрослая жизнь. Тогда я не очень понимал, что именно из детских впечатлений окажет на нее существенное влияние. Много позже я осознал, что многое. И среди этого «многого» особое место занимает вера.

Когда мне был год, началось какое-то обострение на корейской войне, и нас с мамой из Порт-Артура отправили на время в Ленинград. Бабушка предложила меня крестить, родители не возражали. Обоих в детстве крестили, но религиозными людьми они не были – как и боль-

шинство их ровесников в Советском Союзе. Собственное крещение я, конечно, не помню. Но бабушка рассказывала, что священник мне как-то сразу не понравился, я раскричался, потом схватил его за бороду, и мою руку никак не могли разжать. Все растерялись, не знали, что делать... В общем, проявил характер. Может быть, из-за этого эпизода одной из первых книжек, которую прочитал мне отец, была пушкинская «Сказка о попе и работнике его Балде». Мне очень понравилось, и я быстро выучил ее наизусть.

Бабушка часто брала меня с собой в церковь. Я, конечно, мало что понимал, но в церкви мне нравилось, там было всегда светло и празднично. Помню, что над моей кроватью всегда висел крестик.

Но потом церковь из моей жизни надолго ушла. Школа, пионеры, комсомол, военное училище, партия... Вера оставалась, но на уровне чувств, осознанной она не была. Осознание пришло намного позже – во время войны в Чечне. Когда ты видишь кровь, когда ты сам постоянно находишься на грани жизни и смерти, без веры невозможно. Многие солдаты тогда крестились, хотя до этого в церковь не ходили.

А всерьез я пришел к вере благодаря патриарху Алексию II. Мы познакомились еще в Ленинграде. Более близко – когда я работал в ленинградском управлении КГБ. Благодаря одному из моих замов Александру Григорьеву, который в советское время работал в РПЦ. Григорьев был человеком искренне верующим и никакого вреда ни церкви, ни ее служителям не принес, наоборот, помогал. Очень тепло относился к Алексию. Через три дня после смерти патриарха Саша тоже ушел из жизни – очень тяжело переживал эту потерю.

В 1993 году мы с Алексием познакомились ближе, это было во время жесткого противостояния между президентом и депутатами, когда при участии патриарха шли переговоры между конфликтующими сторонами. Я в них тоже участвовал. Постепенно между нами установились очень важные для меня отношения. Я мог довольно свободно приезжать к нему в Переделкино – тогда там еще не было большой резиденции, патриарх жил в маленьком зеленом домике. Достаточно было позвонить за день-два, чтобы уточнить время. Он сам собирал белые грибы и великолепно их засаливал. Эти грибы с картошечкой, салом и рюмкой ледяной водки были лучшим угощением. Сидели по 3–4 часа, разговаривали.

Он хорошо понимал светскую жизнь. С ним можно было не только молиться, но и обсуждать абсолютно все, что волнует. Мы не вели разговоры на религиозные темы, беседовали о разном, но он умел так выстроить разговор, так тебя раскрыть, что получалась почти исповедь. Он не был оратором, не умел, а скорее не любил говорить велеречиво. Но он брал душой, обаянием, интеллектом. Настоящий пастырь. Я тогда понял, какое это огромное облегчение, когда ты можешь не держать сомнения и страхи в себе, когда есть с кем поделиться. Мне кажется, что многие и умирают от того, что им негде выговориться. У меня такая возможность была. Я знал, что езжу в Переделкино, чтобы отдохнуть душой.

Вот такая важная цепочка протянулась через мою жизнь – от бабушки, которая меня крестила, к патриарху Алексию, который помог мне многое понять в себе и окружающем мире. Два очень разных, но очень дорогих для меня человека.

Примерно до середины восьмидесятых жизнь моя была абсолютно предсказуемой. Успешно окончил училище. Курсантом вступил в партию. Написал диплом «Работа Г. В. Плеханова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю”». Защиту помню до сих пор в подробностях – преподаватели были в некотором замешательстве, никто из них Плеханова не читал. Получил отличную характеристику, в которой, кроме всяких шаблонных слов, было и нестандартное: «Сергей Вадимович Степашин – самостоятельный курсант». Женился.

С Тамарой, моей будущей женой, мы познакомились на танцах в Доме культуры имени Первой пятилетки. Сейчас его снесли – там теперь новое здание Мариинки. Тамара окончила Финансово-экономический институт в Казани. Отец ее – Владимир Митрофанович Игнатъев – был военным, так что пришлось помотаться по стране. Он был замечательным человеком.

Войну прошел от рядового до командира взвода саперов-разведчиков. Уходил из Донбасса – освобождал Киев. 19 ранений. Герой Советского Союза. Мы с Тамарой и сына назвали в честь него. Володя уже после смерти деда издал воспоминания Владимира Митрофановича. Вернувшись с войны, тесть окончил педагогический институт, защитился, был кандидатом экономических наук, преподавал в Вольском военном училище. Полковника так и не получил, его отправили в отставку в 52 года за то, что был честен до неудобства. Он действительно был человек прямой и языкастый. Советский строй называл «кособочием общественного бытия». Это я на всю жизнь запомнил и потом использовал в предвыборной кампании. После отставки он еще успел преподавать политэкономии в политехническом институте. А в шестьдесят семь умер – дали знать о себе старые раны. И с ним, и с Тамариной мамой – Марией Васильевной у нас сразу сложились очень теплые отношения. В 1975-м у нас с Тамарой родился сын.

Первый год службы я провел в основном в казарме. А как иначе, если ты замполит роты. Получил повышение, стал помощником по комсомолу начальника политотдела бригады. Дали комнату в двухкомнатной коммуналке, кроме нас, еще одна молодая пара. Потом перевели помощником по комсомолу начальника политотдела спецвойск в Москву. Эти войска занимались охраной особо важных государственных объектов. Подполковничья должность, а я еще старший лейтенант. Все складывалось по советским меркам отлично. Получил двухкомнатную хрущёвку в Москве на 9-й Парковой – тесновато, но район прекрасный, Измайлово. Стал членом ЦК комсомола, делегатом XVIII съезда ВЛКСМ. Звание капитана министр внутренних дел Николай Щёлоков присвоил мне досрочно прямо на съезде. Как-то в гости заехал отец, посмотрел на все это, поговорил со мной и прямо сказал: «Испортит тебя этот комсомол. Тебе преподавать надо». На меня этот разговор подействовал, и я сделал все, чтобы вернуться в училище. И вернулся. Жить было негде, училище квартир не давало. Поэтому Тамара с сыном остались в Москве, а я первые два года жил с родителями.

А потом в училище приехал начальник внутренних войск МВД СССР генерал армии Иван Кириллович Яковлев. Он, как выяснилось, запомнил мое выступление в качестве делегата съезда комсомола на расширенной коллегии МВД – я, в отличие от других, говорил без бумажки. Увидел меня на обходе и говорит начальнику училища генерал-майору Борису Смыслову: «Лучшего воспитанника внутренних войск вам отдал». Тот в ответ: «Спасибо, товарищ генерал армии. Только вот у него проблема с квартирой. Разрешите обмен с Москвой». Обычно московский главк свои квартиры не отдавал, но тут Яковлев лично распорядился. Так я поменял московскую квартиру на Ленинград. Тоже две комнаты, но побольше, с нормальной кухней, на Заневской площади, за мостом Александра Невского. Я был очень рад тому, что Тамара с Володей наконец смогли вернуться в Ленинград.

В 1977 году поступил в Военно-политическую академию имени Ленина – учился заочно. Теперь я понимаю, что это было куда лучше, чем получать образование на дневном. Легко себе представить, сколько соблазнов в Москве для молодого офицера, столица же, есть где разгуляться. А тут приезжаешь на три месяца в году в подмосковную Кубинку, живешь в казарме, с утра до ночи слушаешь лекции и сидишь на семинарах.

Годы учебы в академии были очень важными для меня. Застой, Брежнев у власти больше 10 лет, но многие из нас начинали всерьез задумываться о необходимости перемен. У меня преподавал глубокий историк и очень порядочный человек Дмитрий Антонович Волкогон, и он с нами, конечно, говорил не только о том, что было в учебниках. Прошло 13 лет, и мы с ним создали в Верховном Совете РСФСР фракцию «Левый центр». А начальником кафедры истории культуры и искусства был полковник Борис Михайлович Сапунов, который не боялся в аудитории говорить, что престарелое политбюро доведет страну до кризиса, и крайне критически оценивал войну в Афганистане. Политэкономии читал профессор Королёв, который был увлечен идеей конвергенции. Можно сказать, у нас была диссидентская академия. Она была чем-то похожа на Царскосельский лицей, несмотря на определение «военно-политиче-

ская» и имя Ленина. Ее начальник, генерал армии Евдоким Егорович Мальцев, потрясающий человек, был близким другом Брежнева еще по войне, поэтому его никто не смел тронуть.

Академию я окончил с отличием, но медаль мне не дали. Была такая история. Идет партсобрание факультета, подводятся итоги обучения. В президиуме – начальник факультета полковник Баранов, ну я и влупил: «В столовой академии воруют продукты. Кормят дрянью. Стыдно слушать, как это обсуждают наши иностранные товарищи. Это же позорит страну. А начальник факультета берет взятки гарнитурами из Чехословакии. И это называется – коммунист?» Сорвал аплодисменты. Потом начальник курса полковник Гольшев меня вызвал и говорит: «Ну что, ленинградец, не мог потерпеть? Сначала медаль бы получил, а потом выступал!» Да черт с ней, с медалью, зато правду сказал. Вообще не переживал по этому поводу.

В 1979-м после окончания академии вернулся в свое училище – заместителем командира батальона курсантов. Начал преподавать историю КПСС. До перестройки оставалось еще шесть лет, но я и тогда старался преподавать неформально. Это было непросто – предмет-то идеологический. Делал упор на историю, старался рассказывать о том, что интересовало меня самого.

В 1986 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Партийное руководство противопожарными формированиями Ленинграда в годы Великой Отечественной войны». Не мог тогда представить, что через каких-нибудь несколько лет мне придется оправдываться из-за ее названия, когда мои политические оппоненты прилепят мне ярлык «пожарник». Идиоты – нашли чем упрекать. Мне стыдиться нечего. Ленинградские пожарные действительно спасли город в годы войны. Но кого это интересовало, почему-то считалось, что тема моей диссертации меня как-то компрометирует. Когда мой Володя учился в Финансово-экономическом институте, политологию им читал бывший преподаватель научного коммунизма. И вот на лекции в огромной аудитории он заявил: «Посмотрите, какая кадровая политика у Ельцина. Какой-то пожарник возглавляет Федеральную службу контрразведки». Володя встал и крикнул с места: «Это ложь. Я сын Степашина, он никогда не был пожарником. Мой отец в советское время прошел все горячие точки». И ушел из аудитории. В общем, скандал. Ректор хотел этого лектора уволить. Пришлось мне ему позвонить: «Да оставь ты в покое этого м...ка пусть работает».

Историей ленинградских пожарных я начал заниматься по счастливому стечению обстоятельств. Уволившись с флота, отец пошел работать в управление пожарной охраны по Ленинграду. Его руководителем оказался Борис Иванович Кончаев – в годы войны первый заместитель начальника Управления пожарной охраны Ленинграда. Когда случилось «ленинградское дело», и были репрессированы многие партийные и хозяйственные руководители города, Борис Иванович большую часть архивов управления пожарной охраны спрятал. Я, конечно, ничего об этом тогда не знал, хотя о самом Борисе Ивановиче от отца слышал. И вдруг он мне говорит: «Борис Иванович хочет с тобой встретиться». Встретились, поговорили, и он мне все эти архивы отдал – мы их систематизировали и потом передали в партийный архив. Это же потрясающие документы! Я практически за полгода написал кандидатскую диссертацию и монографию.

Книгу я посвятил маме – она подростком скидывала с крыш немецкие зажигательные снаряды. В 14 лет была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Вообще-то матушка никогда не любила и не любит вспоминать блокаду – это для нее слишком больно. Когда накануне 75-летия со дня снятия блокады заговорили о параде на Дворцовой, она сказала мне с горечью: «Какой парад – людей надо помянуть в такой день».

* * *

С середины восьмидесятых я много времени проводил в архивах. Доступ получил, когда начал преподавать историю КПСС. Часами просиживал и в Ленинградском партийном архиве, и в Центральном государственном архиве. Много из того, что я узнавал, было для меня открытием. Я раньше и представить себе не мог масштаб сталинских репрессий, всю абсурдность обвинений в адрес старых большевиков, реальные потери в войне... Теперь я все это изучил по первоисточникам, так что публикации в перестроечном «Огоньке» для меня уже не были откровением – я к тому времени знал о нашей трагической истории куда больше, чем писалось в прессе.

Самым большим потрясением для меня было то, что я узнал о ленинградской блокаде. Первый раз эти документы мне показал мой научный руководитель Дмитрий Ганкевич. Оказывалось, можно было вывезти людей, спасти тысячи жизней, избежать тяжелых потерь... Просто в голове не укладывалось, что одни ленинградцы умирали от голода, а многие начальники в то же самое время жили совсем по-другому. Но так было. Когда эти факты попали в «Блокадную книгу» Даниила Гранина и Алеся Адамовича, начались разговоры: зачем вспоминать этот ужас... Надо вспоминать. Потому что делать вид, что этого не было, – значит предавать память блокадников, тех, кто погиб, и тех, кто выжил. Тех, кто до последнего верил в то, что город врагу не отдадут.

Что поделаешь – в нашей давней и недавней истории много фактов, о которых тяжело вспоминать. Но прятаться от них нельзя. Как минимум потому, что из прошлого надо извлекать уроки. И сегодня меня очень тревожат призывы «не ворошить прошлое». Больше того, серьезным историкам все чаще предъявляют публичные обвинения в непатриотичности и даже фальсификациях. И посмотрите, кто считает себя вправе это делать? Как правило, малообразованные люди, которые просто не знают фактов. Вместо аргументов у них – только знакомая нам по советским временам демагогия.

Я всегда старался рассказывать курсантам то, что узнавал сам. Тогда это все еще было довольно опасно, и «старшие товарищи» намекали мне, что надо быть осмотрительнее. А я любил, чтобы курсанты и слушатели на моих семинарах не сидели послушно кивая, а участвовали в дискуссии. Например, ставил им вопрос: «Что было бы, если бы в споре Ленина с Плехановым победил Плеханов?» Фигура Плеханова меня по-прежнему занимала. Узнав про мое увлечение Плехановым, начальник кафедры полковник Ходанович сделал мне выговор: «Не надо эту тему трогать, Сергей Вадимович. Все это очень интересно, но Плеханов же – враг». Я говорю: «Почему он враг? Он настоящий социал-демократ». Нашел что ответить! В Советском Союзе слово «социал-демократ» значило примерно то же, что диссидент.

Не нравилось и то, что я рассказывал о Бухарине, Троцком и прочих «врагах народа». Мне говорили: «Ты не понимаешь, время было такое, они подрывали единство партии». Но я-то читал в архивах, что говорили эти люди, что писали, и понимал, что все обвинения в их адрес были чушью.

Когда сын подросток, я и ему старался объяснить, что историю стоит изучать не только по школьным учебникам, сам рассказывал то, что открывал для себя. Как-то прихожу с работы, вижу, Володя расстроен. В чем дело? Оказывается, получил двойку по истории. За что? «За то, что ты мне рассказывал». Пошел я первый и последний раз в его школу. Надел форму, вижу, учительница истории – совсем девчушка, только что окончила институт. Говорю ей, что тоже преподаю историю, кандидат наук, спрашиваю, за что двойку поставила. Говорит: «Он такие вещи рассказывает про нашу историю, так же нельзя». И я понимаю, что она сама толком ничего не знает, хотя уже перестройка началась, появились публикации. Начинаю ей объяснять, а она: «Разве можно такое на уроках говорить?» Посмеялся: «Теперь все можно».

Многое действительно стало можно, и я не только преподавал так, как считал нужным, но и несколько раз получал звание лучшего преподавателя училища – за меня голосовали курсанты и слушатели, причем голосование было тайным, сейчас это не принято. Тогда, в конце 80-х, начали появляться приметы перемен везде, даже в армии. Мне казалось, что это перемены к лучшему.

ТАК ИЛИ ИНАЧЕ?

Получилось, что, поступив в училище МВД, я дослужился до звания генерал-полковника и должности министра. А мог бы после первого курса, как собирался, уйти в гражданский вуз. Странно, но никогда не жалел об этом. Хотя на милицейской службе, как и на армейской, легкой биографии не бывает. Для многих необходимость подчиняться приказу и старшему по званию – сама по себе невыносима. Я к этому относился спокойно – хотя свою внутреннюю свободу всегда ценил. Дослужившись до высоких званий, сформулировал правило: чтобы иметь право командовать, надо научиться подчиняться. Старался этому правилу следовать все 30 лет, что прослужил в силовых структурах.

Я и сейчас, когда веду жизнь гражданского человека, не жалею, что надел погоны. А вот сыну никогда не желал военной карьеры. И был искренне рад, что он выбрал гражданскую профессию. Три поколения Степашиных носили погоны – хватит.

Если бы не Горбачёв и его перестройка, я бы, наверное, закончил свою службу начальником кафедры, защитил бы докторскую, может быть, дослужился бы до начальника училища. Но сам себе я планировал так: до сорока пяти лет начальник кафедры, потом увольняюсь и иду преподавать на исторический факультет Ленинградского университета. Там я оканчивал аспирантуру и защищал кандидатскую. Чем плохая судьба? Но в стране наступили такие перемены, которые изменили все. И в моей жизни тоже. Из-за этого она сложилась так, а не иначе.

Национальность как состав преступления

Если говорить о том, что именно повлияло на формирование моих политических взглядов, то, конечно, надо вспомнить о горячих точках, в которых мне пришлось побывать в конце 1980-х – начале 1990-х. Сумгаит, Фергана, Баку, Сухуми... Я, как и большинство советских людей, до этого даже не подозревал, что в стране есть какие-то серьезные межнациональные проблемы. Сам с ними никогда не сталкивался. Ни в школе, ни в училище никто не обращал внимания на национальность, не помню ни одного пусть и бытового, но межнационального конфликта. Поэтому увиденное во время командировок в горячие точки буквально перевернуло мои представления о жизни в Советском Союзе. Оказалось, что во многих регионах страны есть застарелые – межнациональные и связанные с ними территориальные – проблемы, которые на протяжении долгого времени загонялись внутрь. Мы наивно верили в «пролетарский интернационализм», а оказалось, что это только лозунг, за которым скрывались серьезные межэтнические противоречия, многие из которых были заложены еще на этапе создания Советского Союза. Я имею в виду сам принцип национально-территориального устройства СССР с правом народов на самоопределение вплоть до отделения.

Моя первая горячая точка – Сумгаит, город-спутник Баку, где примерно десятую часть жителей составляли армяне. Социально-экономическая обстановка в городе в конце 80-х была непростая. Здесь работали многочисленные предприятия химической промышленности, которые притягивали людей из сельской местности. Средний возраст жителей – 25 лет, образование – чаще среднее, зарплаты – чаще низкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.